

— Прости! Я не сильно опоздала? Работа затянулась, вот я и задержалась.

Выходной день, начало пятого вечера. Передо мной, неспешно потягивающим холодный чай, присела модно одетая девушка в шикарном чёрном платье-рубашке и большой чёрной кепке.

Мягкий взгляд из-под кепки и голос, вселяющий спокойствие, не оставляли сомнений — это была моя подруга детства и по совместительству популярнейший айдол Сиракаба Фуюка.

— Всё в порядке. Ты что, сразу после работы примчалась?

— Ага. Знаешь, ты ведь впервые написал, что хочешь встретиться.

— Серьёзно?

— Ага. Поэтому старшая сестричка примчалась, радуясь, как ребёнок!

Фую-нэ хихикнула и нежно улыбнулась. Даже я, с искаженным в последнее время из-за Котоно и Касуми представлением о прекрасном, почувствовал, насколько она сексуальна и привлекательна — температура моего тела поднялась на градус.

Похоже, она действительно пришла сразу после съёмок — на ней был более яркий макияж, чем обычно, и я так разнервничался, что у меня внутри всё сжалось.

Даже если она подруга детства, красивое остаётся красивым.

— Хотя, если я не вернусь в течение часа, менеджер будет в ярости, так что надолго я остаться не могу. Но какао я всё-таки закажу. Сегодня так жарко, ты же простишь меня, правда?

— Прощу, говоришь... Будет слишком сладко — можем поменяться: попробуешь мой чай.

— Договорились! Хе-хе, как же здорово. Мы с тобой сто лет вот так не разговаривали.

Мы сидели в кафе с отдельными кабинками — оно располагалось неподалеку от Токио, можно даже сказать, практически в самом Токио. Перегородки между столиками обеспечивали хорошую звукоизоляцию: было слышно, что за соседними столиками кто-то разговаривает, но разобрать о чём, не представлялось возможным.

Час здесь стоил всего две тысячи йен — совсем недорого, как по мне. Ради встречи с Фую-нэ, у которой вечно не было времени, я решился на первую, за много лет, вылазку в город — добраться на поезде пришлось почти час.

Благодаря Касуми я и сам это прочувствовал, но быть айдром — это жость, особенно в плане защиты от скандалов. Пусть мы и друзья детства, но я всё-таки парень. И пусть Фую-нэ об этом не говорит, встреча со мной — это огромный риск для неё.

Но, раз уж Касуми сама ничего не рассказывает, придётся спросить у того, кто, возможно, что-то знает.

Подумав так, я сразу же написал Фую-нэ, и она тут же согласилась. Скорее всего, ей пришлось из кожи вон лезть, чтобы выкроить для меня время в своём графике.

Я предлагал поговорить по телефону, но она, видимо, почувствовав моё состояние или решив, что первая просьба друга детства — это святое, пошла мне навстречу.

— Ты нормально питаешься? — спросила Фую-нэ.

— Ага. А ты, Фую-нэ?

— Я-то само собой. А вот ты меня волнуешь. Ты перестал засиживаться допоздна?

— ... Да.

— Вот же! Я же чувствую, что ты врёшь! ... Ладно, об этом потом поговорим. Так что ты хотел обсудить, Рен?

В который раз убедившись, что не могу ей перечить, я решил перейти к сути.

— В общем, дело в Касуми. В последнее время на почве подготовки к культурному фестивалю много чего произошло...

Я начал рассказывать всё по порядку.

О том, как она начала привыкать к школе. О том, как на фоне этого начали травить моих одноклассников. О том, что Касуми стала «нормальной». И о том, какие странные чувства появились у меня после этого.

— Поэтому я и подумал, что, возможно, что-то произошло с ней, когда она ещё была айдолом. Если ты, Фую-нэ, что-то знаешь, то... я хотел бы, чтобы ты мне рассказала.

— Ты молодец, Рен.

— А?

— Ты сумел сумел занять особое место в сердце Мируфи, которое до этого она никому не показывала. И всё равно она снова пытается со всем справиться сама.

Сказав это, Фую-нэ горько усмехнулась.

— Вообще-то я не собиралась об этом говорить... Но, раз уж Мируфи доверилась тебе, Рен, ты имеешь право знать.

Она пробормотала это скорее себе, чем мне.

— ... Если тебе тяжело говорить...

— Нет, всё в порядке... Прости, подожди немного.

Фую-нэ сделала глубокий вдох.

— Ну... в общем...

Она нервно сжала руки перед грудью, её взгляд метался по сторонам, но затем, собравшись с духом, она пронзила меня прямым взглядом своих миндалевидных глаз.

— То, что Мируфи прекратила карьеру айдола... это моя вина.

Мой мозг, не в силах осознать услышанное, отключился.

— ...Что?

— Из-за меня. Это я виновата. Я...

Фую-нэ продолжала говорить, словно ища успокоения в самобичевании, не отводя взгляда от застывшего меня.

— ... Прости, получится немного длинная история, но ты... ты выслушаешь?

Я кое-как кивнул, и Фую-нэ, сделав глубокий вдох, начала свой рассказ.

— Думаю, это немного не то, что ты думаешь, но всё же... Она гениальна. С самого начала у неё всё получалось. Буквально.

Её голос был тихим, словно она с грустью вспоминала прошлое.

— Танцы она запоминала с первого раза. Даже если что-то не получалось сразу, на следующий день она выполняла всё идеально. Пела она тоже хорошо, да и с выражением лица проблем не было, и фансервис никогда не забывала. Неудивительно, что на дебютном концерте все кричалки были посвящены ей одной.

Фую-нэ замолчала и испуганно опустила глаза.

— ... Это было ненормально. На том концерте у всех фанатов были свои фаворитки, но они все как один выкрикивали имя новичка...

Она продолжила, словно извиняясь за свои слова.

— Её талант... это было какое-то безумие.

Талант, способный вызвать настолько нездоровый фанатизм...

Я и сам был свидетелем подобного во время похода с Касуми в Диснейленд. И это при том, что она пыталась не выделяться. Насколько же ослепительной она была тогда, если Фую-нэ называет это безумием?

— Но при этом она была очень доброй и невероятно милой. Поначалу мы, участницы первого поколения, видели в ней угрозу, но всё равно относились к ней по-доброму. Но когда по протекции агентства спустя три месяца после дебюта она попала в основной состав... тут-то и началась зависть. Понимаешь, у нас в группе основной состав — это привилегия, и, естественно, были те, кто вылетел из-за появления Мируфи. Вот с тех пор ей и начали завидовать.

Сейчас в группе Cider x Cider насчитывалось более сорока айдов, разделенных на шесть поколений, но только пятнадцать избранных, отобранных в основной состав, могли исполнять главные песни, которые показывали по телевизору.

Как и сказала Фую-нэ, в основном составе состояли участницы первого поколения, поэтому попадание туда Касуми, которая присоединилась к ним совсем недавно, произвело эффект разорвавшейся бомбы.

— Конечно, как участница первого поколения я старалась уделять ей внимание, но, честно говоря, в то время у меня самой было столько дел, что я не могла думать ни о ком, кроме себя. Все выкладывались на полную, а те, кто не прошёл отбор, винили во всём Мируфи. Естественно, их фанаты тоже её ненавидели, так что как раз в то время на неё и полилась вся

эта грязь...Да и само её попадание в основной состав вызвало кучу негатива, мол, своих двигают. И хотя, конечно, у Мируфи тоже было много поклонников, но хейтеры, как это обычно бывает, оказались сильнее.

Грустно вздохнув, Фую-нэ сделала глоток какао, которое принесли, пока она говорила.

— Думаю, поначалу она просто грустила и расстраивалась. Но у неё не было времени на слёзы, настолько она была занята, и ни у кого не было времени на неё, некому было её поддержать. К тому же, она из тех сильных духом людей, которые предпочитают добиваться совершенства, а не тратить время на жалость к себе. Так что она всё больше совершенствовала свой айдолский образ, научилась безупречно взаимодействовать со всеми, как и подобает идеальному айдолу... А потом, сама того не ожидая, стала безоговорочным центровым группы.

Фую-нэ не пыталась казаться ни слишком грустной, ни, тем более, весёлой. Она говорила серьёзным тоном, кусая губы и с трудом подбирая слова.

— Об этом мало кто знает, но, похоже, у неё были не очень хорошие отношения в семье, и вскоре после этого она переехала в общежитие. Странно, правда? Её семья ведь живёт в Токио. В средней школе дети ещё хотят быть поближе к родителям...

Каждый день работа, улыбки на сцене, а потом — только одиночество в гримёрке и пустой комнате общежития.

Я не мог понять, как девочка-подросток могла жить такой жизнью.

— После переезда в общежитие она словно отгородилась от всего, что не касалось айдалов, и стала жить только как «Мируфи-айдол». И на рукопожатиях изо всех сил старалась. Она ведь была центровой — самой популярной. К ней всегда стояла самая большая очередь — конечно, она уставала, но, несмотря на это, продолжала улыбаться и внимательно всех слушать.

— А, точно. Касуми и правда очень быстро запомнила имена всех одноклассников.

— Неудивительно, она всегда помнила тысячи людей в лицо.

Фую-нэ задумчиво произнесла это и, словно вспоминая те дни, прикрыла глаза.

— И вот, после девяти часов рукопожатий... когда всё уже должно было закончиться...

Она перевела дыхание и с трудом продолжила. В её широко раскрытых глазах блеснули слёзы.

— Ей... ей отрезали волосы. Одну из её фирменных косичек... просто взяли и отрезали.

От такого поворота событий у меня на секунду перехватило дыхание.

Кто вообще способен на такое? Это же преступление! Как такое возможно?!

В голове творился такой хаос, будто меня ударили чем-то тяжёлым, и я не мог говорить.

— П-подожди. Но у Касуми же на финальном концерте были её обычные косички...

— Это был парик. Она не хотела, чтобы из-за неё про Cider×Cider плохо говорили. Она защищала группу до самого конца.

— Не может быть...

Я вспомнил, как однажды, уже после того как всё произошло, не задумываясь, спросил у Касуми, почему она обрезала волосы.

Касуми Миру и косички — лично для меня эти слова были синонимами.

Я, человек далёкий от мира айдолов, не мог не спросить, почему она обрезала свои волосы до плеч, ведь они были её визитной карточкой.

Кажется, тогда она весело рассмеялась и ответила: «Я решила начать новую жизнь, да и старая причёска мне надоела, вот и решила сменить имидж!».

— ... Чёрт...

Было уже поздно, но от собственной бестактности мне стало тошно.

— Так вот... а обрезал ей волосы мой фанат.

— ... Что?

— Сказал, что до появления Мируфи у меня был шанс стать центральной... Странно, правда? ... Это же моя вина, что мне не хватило таланта...

Пробормотав это, Фую-нэ моргнула, и по её щеке скатилась слеза.

— Когда рукопожатия закончились, она... у неё случился нервный срыв. Впервые на моей памяти она показала слабинку. Сквозь слёзы твердила, что больше не может... что хочет бросить быть айдолом... Волосы ей обрезал мой фанат, но... из всей группы ближе всех к ней была, пожалуй, только я...

Слёзы, словно тающие снежинки, текли по её лицу.

— И тогда я... я сказала ей, что она может всё бросить. Что она может стать обычной девчонкой.

Её голос был полон раскаяния.

Фую-нэ запинаясь, с трудом связывая слова, исповедовалась мне в своём грехе.

— ...А она... она и правда ушла...

Фую-нэ закрыла лицо руками, прижимая к щекам белоснежный носовой платок.

И тут её прорвало. Слёзы ручьём текли по её лицу, пропитывая ткань платка. В её дрожащих плечах было столько хрупкости, что казалось, дотронься — и она сломается, как хрупкий лепесток.

— ...Фую-нэ...

— Я видел, как плачет Фую-нэ, всего лишь раз в жизни — когда она прошла прослушивание.

С тех пор она была для меня объектом восхищения и зависти, недостижимым идеалом, за успехами которого я следил с гордостью и грустью, ведь сам я был всего лишь жалким неудачником...

Но, как оказалось, у Фую-нэ тоже были свои трудности.

Я не знал, что сказать подруге детства, которая сидела напротив и плакала навзрыд. Я молча вытирал её слёзы, пытаюсь осмыслить услышанное.

— Прости... меня... Не стоило мне так... распускаться... У меня нет... права... плакать... Я... я хотела... рассказать всё... спокойно...

— Да как тут расскажешь спокойно о таком... Это мне прости, что заставил тебя всё это вспоминать.

— Всё в порядке. Это я виновата, что не рассказала тебе тогда, предпочла воспользоваться добротой друга...

Наконец-то всё встало на свои места. Почему, бросив группу, Касуми оказалась на попечении у Фую-нэ? Обычно в таких случаях всё решают родственники, разве нет?

Всё встало на свои места.

Фую-нэ так настойчиво просила меня позаботиться о Касуми, потому что чувствовала вину за случившееся. Она не хотела снова оставлять её одну. Не хотела корить себя до конца жизни.

Фую-нэ вытерла слёзы и взяла меня за руку. Её ладонь была ледяной и слегка влажной.

— Думаю... если с Мируфи что-то случится, она снова решит, что во всём виновата она сама... Что, если она будет терпеть, то не ранит окружающих... Ей так проще.

При этих словах я невольно поморщился, вспомнив, как Касуми, задыхаясь, винила во всём себя.

Фую-нэ глубоко вздохнула и ещё крепче сжала мою руку.

— Но если так пойдёт и дальше... она сломается... Поэтому... прошу тебя, Рен... помоги ей.

Она снова глубоко вздохнула.

— У меня... не вышло...

Сказав это, она попыталась улыбнуться сквозь слёзы.

— ...Хорошо, можешь на меня рассчитывать.

Честно говоря, я не знал, насколько близок я был с Касуми.

До сих пор я ведь знал её только как «Касуми Миру — айдола»... И, возможно, она считала меня лишь одноклассником, а не другом.

Но даже в этом случае... Я хотел стать для неё тем, кому она сможет доверять, зная, что я не сломаюсь под тяжестью правды.

Ведь в тот день, когда мы объединили усилия, между нами зародилась особая связь.

— ...И ещё, Фую-нэ, ты сама будь осторожна. Все эти хейтеры... Да они просто завидуют, вот и всё.

— ...Спасибо.

— Если что — сразу говори. Понимаю, от меня толку мало, но могу поискать хорошего адвоката или ещё что...

— Не драматизируй. У тебя, Рен, такое... своеобразное мышление. Слушай... а если я совсем расклеюсь, ты обо мне... позаботишься?

Вот умеет же она ставить меня в неловкое положение! Между друзьями детства тоже должны быть границы! Впрочем, вслух я это произносить не стал, ограничившись красноречивым взглядом.

— Не нужно мне ничего говорить, желающих и так хоть отбавляй.

— Ой, ну перестань. У меня же кроме тебя, Рен-кун, никого нет...

— Да-да, конечно.

— А, не веришь, да?

Кто в здравом уме поверит в подобные слова популярного айдола?

И что ей доставляет такое удовольствие - дразнить меня?

Фую-нэ хитро улыбнулась и посмотрела на часы.

— Ой, мамочки, кажется, тушь потекла.. Попадёт мне от менеджера, — пробормотала она наигранно-испуганным голосом и начала собираться.

На экране смартфона высветилось 17:30. Мы проговорили на полчаса дольше запланированного.

— Ты точно успеваешь?!

— Успеваю-успеваю. Я ведь серьёзная девушка, поэтому честно предупредила, что могу задержаться.

— Да какая разница, если ты всё равно опаздываешь?!

— Хе-хе... Именно поэтому, хотя я и хочу провести с тобой, своим драгоценным другом детства, ещё немного времени, я всё же собираюсь уходить. Разве не так?

Сказав это, Фую-нэ заглянула мне в глаза.

— Если устанешь — приходи ко мне. Я буду баловать тебя... До потери пульса.

— ...Просто возвращайся к работе!

— Эх... ну какой же ты... скучный. Ладно-ладно, возвращаюсь.

Вот же ж... Неужели все айдолы такие? Теперь-то я понимаю, почему фанаты толпами ходят на рукопожатия.

Уже уходя, Фую-нэ пробормотала:

— И не думай, что я со всеми так себя веду...

Пятнадцатилетний опыт дружбы подсказывал мне, что эти слова значат гораздо больше, чем просто «мы же друзья детства».

В начале лета в половине шестого солнце всё ещё нещадно палило.

От этого зноя, казалось, плавилась не только моя голова.

Side: Сиракаба Фуюка

— ... Хаа...

После встречи с Реном моё сердце всегда начинало биться чаще.

Наверное, это всё из-за волнения... из-за того, что я люблю его... — и из-за страха, что он узнает о моей лжи.

Я ведь ничего из себя не представляю. Я не добрая и не красивая, как думает Рен.

Я плохо танцую, плохо пою, ужасно лажу с людьми и на самом деле мечтаю просто закрыться ото всех в своей комнате.

Мои оценки никогда не поднимаются выше среднего, и у меня ничего не получается. Но... но я так хотела быть для Рена примером для подражания... Поэтому я готова была пойти на всё, лишь бы он продолжал восхищаться мной.

Я, плакса, которая начинала паниковать, если не могла тренироваться... Слабачка, которая, к счастью, нашла своё призвание в мире айдолов, где трудолюбие ценится превыше всего.

Именно здесь я могу быть лучшей, — решила я.

И как же сильно я ошибалась... Я осознала это, когда в группу, во второе поколение, пришла она... Касуми Миру.

— ... Ты... можешь... всё бросить... Если... ты... правда... хочешь... стать... обычной... девочкой...

Я сказала это Мируфи максимально легкомысленно, не задумываясь о последствиях. Словно между делом предложила ей самое худшее, что только можно представить для айдола.

Тогда я ещё не знала, что она переведётся в ту же школу, что и Рен.

И уж тем более не могла представить, что она, узнав, что я живу в том же городе, что и он... что она воспользуется этим, чтобы быть ближе к нему... Зачем я вообще дала им сблизиться?..

— Если ты что-то знаешь, Фую-нэ, расскажи, пожалуйста.

Передо мной, словно наяву, возник образ Рена, который говорил это с таким серьёзным видом, что у меня закружилась голова.

— Ну почему... почему она вечно встаёт у меня на пути?..

Я всего лишь хочу быть для Рена той самой... доброй старшей сестрой, которой он меня считает...

Хочу, чтобы он любил меня!

— А она... она действительно ушла...

И тем не менее... я, рассказывая ему эту историю, плакала по-настоящему... Видимо, я и правда хорошо играю.

Ведь Рен... он смотрел на меня так... словно я особенная...

И в тот момент я действительно была той самой... доброй старшей сестрой...

Я не могу остановиться. Мне не нужно, чтобы меня любил кто-то, кроме Рена...

— Ведь сколько бы фанатов ни собралось в зале, я всё равно выискиваю глазами только его...

— ... Я... не скажу.

На самом деле, Миру мешала мне, и именно поэтому я посоветовала ей бросить быть айдолом.

Я ведь живу, цепляясь за обещание, данное много лет назад, когда ты был ещё маленьким...

За обещание, которое ты уже и не вспомнишь...

О том, что я всегда буду твоей особенной, прекрасной старшей сестрой...

Но я не такая... Я никчёмная, отвратительная...

Если ты узнаешь об этом... я не смогу жить...

Вспоминая о Рене, с которым я только что виделась, я коснулась пылающих щёк.

— Я... никогда... не скажу...

Я буду лгать тебе до самой смерти...

<http://tl.rulate.ru/book/103837/4526540>